

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ РАН
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
ИНСТИТУТ ВЫСШИХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Е. М. МЕЛЕНИНСКОГО

Топосы философии Наталии Автономовой

К юбилею

РОССПЭН
Москва
2015

УДК 14(082.1)

ББК 87

T58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 15-03-16029д

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С. Я. Левит
Заместитель главного редактора И. А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:

Л. В. Скворцов (председатель), П. П. Гайденоко, И. Л. Галинская,
П. С. Гуревич, В. Д. Губин, Б. Л. Губман, Г. И. Зверева,
А. Н. Кожановский, Л. А. Микешина, Ю. С. Пивоваров,
И. И. Ремезова, А. К. Сорокин

Составители: Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина

Научный редактор Т. Г. Щедрина

Художник П. П. Ефремов

Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв.
T58 ред.-сост. Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина ; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М. : Политическая энциклопедия, 2015. — 807 с. : ил. — (Humanitas).

ISBN 978-5-8243-1997-2

Авторов книги – российских и зарубежных философов и ученых-гуманитариев – объединил не только юбилей известного философа, переводчицы Наталии Сергеевны Автономовой, но и топосы (тематические пространства), в которых развертываются ее размышления и научные поиски. В настоящее издание включены статьи, посвященные проблемам философии науки, методологии гуманитарных наук, психоанализа, перевода, а также осмыслению традиций развития отечественной и зарубежной философии и филологии XIX–XX веков.

УДК 14(082.1)

ББК 87

ISBN 978-5-8243-1997-2

© Левит С. Я., составление серии, 2015

© Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г.,
составление тома, 2015

© Щедрина Т. Г., научное редактирование, 2015

© Коллектив авторов, 2015

© Политическая энциклопедия, 2015

© Автономова Н. С., Коэн Р. С., Эпельбуэн А.,
фотографии, 2015

Что делает ветер, когда он не дует? (Дискуссия о безличных предложениях как шаг к пониманию философии истории в Восточной Европе)

Если китайский или японский типы мышления представляют собой явление, совершенно чуждое Западной Европе, то в отношении русской мысли, или шире «той Европы», которая может быть определена в первом приближении, как «Восточная», дело обстоит иначе. Между ними можно найти много точек соприкосновения, обусловленных общей историей. Как существуют две ипостаси христианства: «восточная» и «западная», — между которыми вьется запутанная сеть сходств и различий, так и в истории гуманитарных и общественных наук неоднократно утверждение мыслителями славянофильского или просто националистического толка их «абсолютной самобытности», не добавляет состоятельности тезису о «пропасти», якобы разделяющей два культурных мира.

История лингвистических учений является малоизученной областью, но это очень плодородная почва для сравнения тематик, способов аргументации и эпистемологических оснований лингвистической антропологии в обеих частях Европы. Опираясь на знаменитую проблему «безличных предложений» в славянских языках, мы попытаемся здесь исследовать вопрос спорного отношения к позитивизму в лингвистике и философии языка в России и Восточной Европе.

Хотя безличные предложения — явление, присущее всем индоевропейским языкам в тот или иной момент в их истории, в нынешних славянских языках оно представлено особенно отчетливо.

Примеры:

русск.: *Меня знобит*;

болг.: *Тресе ме* («меня трясет»);

польск.: *spało mi się dobrze* («мне хорошо спалось»);

чешск.: *zebe mě* («мне холодно»)

(ср. эквивалентные модели в латинском языке: *Me paenitet erroribus meis*).

Эти конструкции не предполагают возможности вставить подлежащее в именительном падеже и представляют собой загадку для любой теории предикации и синтаксиса вообще. Таким образом, используя термины Л. Теньера, можно ли считать, что речь идет о моновалентных глаголах со вторым актантом, но без первого актанта? Или с первым актантом в косвенном падеже?

В определенный момент своей истории все славяноязычные страны испытали политический режим, основанный на марксистской философии, в этот период государственная идеология предъявляла определенные требования к научным теориям. В частности, некоторые лингвистические теории были выдвинуты политической властью в ущерб другим.

С начала тридцатых годов в СССР и с пятидесятых годов (с переменным успехом) в странах Центральной и Восточной Европы в лингвистике устанавливается официальная «материалистическая» теория: отрицающая любую идею автономии языка как «идеалистический», имманентный тезис, она утверждает неразрывную связь языка и мышления, в конечном счете определяемого объективной действительностью. Эта позиция по существу опирается на известную цитату из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса (1845), гласившую, что язык есть непосредственная действительность мысли.

Неразрывная связь мышления и языка подразумевает подобную же связь между логикой и лингвистикой, и, следовательно, между «суждением» и «предложением». Что делать тогда с безличными конструкциями, столь распространенными в славянских языках? Как совместить «односоставные» суждения с теорией исторического развития мышления? В более современных терминах можно было бы спросить: «Как объяснить неполноту предикативного отношения?» Безличные предложения: первобытное мышление или прогресс мышления?

В советском языкознании 1930-х гг. были бесчисленные дебаты и ожесточенные схватки. Но один общий постулат широко разделяли все их участники: а) человеческая мысль совершенствуется в ходе истории (обычная ссылка при этом: Л. Леви-Брюль), б) это совершенствование отражается в языке.

Пешковский (1914, в книге, постоянно переиздававшейся в СССР с конца 1920-х гг.) определяет русские «безличные глаголы» как предикативные формы (они имеют формы времени и наклонения), не имеющие согласования с подлежащим (лицо, число и род), которое соотносило бы действие с агентом. Речь идет о действии

без агента, или действию, отделенном от своего агента. Здесь отсутствие подлежащего (грамматического субъекта) не случайно, а закономерно. Центром безличных конструкций является «не согласуемый ни с чем глагол + зависящие от него второстепенные члены»¹.

Для Пешковского, однако, термины «безличные глаголы» и «безличные предложения» являются неточными. В предикате не может быть подлинной безличности. Лицо (или личность?) является необходимой категорией языкового (и не только языкового) мышления: без лица/личности нет языка, говорящее лицо предполагает слушающего, и эти два лица подразумевают окружающий мир, который является для них «третьим лицом».

Даже с неязыковой точки зрения по крайней мере два лица необходимы: «Я» и «не-Я». «“Безличность” в собственном смысле слова есть то же, что “внеличность”, т. е. понятие метафизическое (как вневременность и внепространственность)»².

«Как бы ни устранился из мысли в выражении *светает* деятель, производящий свет, он во всяком случае не кажется скрытым во мне или в человеке, с которым я говорю, а напротив, может и должен быть скрытым где-то вне нас обоих. *Светает* — это неизвестно кто (и даже самый вопрос *кто?* невозможен), но это во всяком случае *не я и не ты*. <...> Ясно, что поскольку лицо должно вообще мыслиться в глаголе, оно мыслится здесь как *третье*. Но мыслится-то оно с минимальной ясностью»³.

Итак, в этом типе теорий, отсутствующий «субъект» отсылает к расплывчатому, к малоизвестному, к невыразимому, но тем не менее к чему-то онтологически присутствующему.

Безличные предложения Пешковский предлагает называть «предложениями с устранимым субъектом»: синхронно субъект чувствуется как устранимый (или отсутствующий, недостающий). Но данное рассуждение верно и в диахроническом плане: «безличные предложения возникли из личных, а не наоборот. Прежде всего доязыковая мысль <...> основана на ассоциации двух представлений и поэтому всегда двучленна. Было бы очень странно, если бы в языке для нее сразу избрана была одночленная форма»⁴. Таким образом, в *его громом убило* «подлежащее устранивается <...> как неизвестная причина того явления, которое выражено в глаголе. В некоторых случаях ближайшая причина была даже налицо,

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.; СПб., 2001. С. 343.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 344.

например град, дождь, и тем не менее язык изобразил ее только как орудие какой-то другой, отдаленной причины (*градом побило* = «посредством града», а что побило — неизвестно)»⁵.

Для Пешковского в основе безличных предложений лежит поиск действительной причины данного явления и признание того, что она является непознаваемой. Этот тезис позволяет Пешковскому обратиться к истории человеческого мышления: «образование безличных предложений никак не может быть отодвинуто в начальную эпоху языка, так как они знаменуют собой первое зарождение критической мысли, первую попытку критически разобраться в окружающем»⁶.

Однако, «наряду с безличными предложениями, представляющими нередко известное неизвестным, существует в языке (и особенно в древнем и народном) целый ряд выражений, где, наоборот, неизвестное представлено как известное. Таковы выражения *свет светит, гром гремит, ...* и т. д.»⁷. Их Пешковский приписывает «древнейшему периоду языка, так как они указывают на первоначальную, мифическую причину явления, на мифического деятеля, производящего его. Устранение этих-то подлежащих и создало <...> безличное предложение». Например, «*светает* могло возникнуть на месте *свет светает, предложение вечереет* на месте *вечер вечереет* и т. д.»⁸.

Таким образом, безличные предложения для Пешковского не остаток находящегося под угрозой исчезновения явления, а что-то развивающееся. История современных языков (или история только русского языка?) есть история исчезновения личных предложений в пользу безличных, явление, связанное с общим вытеснением имени глаголом, если следовать линии рассуждений, восходящей к А. Потемне и романтическому языкознанию.

Польская исследовательница Г. Конэчна⁹ анализирует одноставные словесные конструкции, характеризуя их как «эргативные»¹⁰:

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 345.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ *Konieczna H. Funkcje zdań jednoczłonowych i dwuczłonowych w języku polskim // Problemy składni polskiej. Warszawa, 1971. С. 60—92.*

¹⁰ В языках номинативного строя (русский, латинский) прямое дополнение как переходных, так и непереходных глаголов ставится в том же падеже (именительном), а прямое дополнение переходных глаголов — в особом, винительном падеже. В эргативной же конструкции (например, в грузинском, баскском языках) прямое дополнение переходных глаголов оформляется тем же «абсолютным» падежом, что и подлежащее непереходных глаголов, тогда как подлежащее переходных глаголов ставится в особом «эргативном» падеже (падеже агенса). Данное обстоятельство, конечно, Платоном в «Софисте» не учитывалось.

их «настоящий субъект» (исполнитель действия, носитель состояния или качества) выражается иным, нежели именительный, падежом, выполняя грамматическую функцию дополнения. Для Конэчны «славянский эргатив» свойствен речи человека, который основывает свои знания о мире на собственном чувственном восприятии, без дальнейшего их анализа. Эти представления находят выражение в высказываниях, лишенных указания на источник или причину. А когда источник или причина обозначены, они выражаются в члене предложения, семантически и грамматически зависящем от того члена, который указывает на явление или состояние.

Славянские «эргативные» конструкции для Г. Конэчны — явления «перцептивного» языка (*język postrzeżeniowy*) который она противопоставляет языку «концептуальному»; в настоящее время они характерны для образного стиля, а когда-то были, вероятно, «единственным способом выражения впечатлений». Двусоставные же конструкции являются исторически более поздними, характерными для времени, когда человек искал причины или агенса/деятеля того или иного явления и обозначал их в предложении именем, играющим столь же важную роль, что и слова, обозначающие действие или состояние. Построенные таким образом предложения относятся к «концептуальному» — рациональному, логическому, — языку.

Промежуточным этапом (особенно хорошо представленным в славянских языках) является для Конэчны двусоставное предложение с эргативным выражением субъекта: *targał nim niepokój* («его терзала тоска» [буквально «его терзало тоской»]); в то время как на «концептуальном» языке сказали бы: *on przeżywał niepokój* («он переживал тоску») или *on był targany niepokojem* («он был замучен тоской»).

Существование «перцептивного» и «концептуального» типов языка составляет для Конэчны настоящую диглоссию: в обиходном языке говорят *szumi mi w uszach* (буквально «у меня гудит в ушах»), а на приеме у врача переходят на концептуальный тип выражения: *tam szum w uszach* (буквально «у меня есть звон в ушах»). Но эта диглоссия неустойчива; «концептуальный» язык имеет тенденцию к распространению параллельно с развитием знаний о мире и «большим господством современного человека над жизнью». Так, Конэчна отмечает, что сейчас говорят скорее *sądzę* («я сужу»), чем *zdaje mi się* («мне кажется»).

Наиболее тщательное изучение философских доводов теории предложения и взаимосвязи между языком и мышлением можно найти у Е. Галкиной-Федорук¹¹. Она различает материалистическую

¹¹ См. об этом: Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.

теорию, для которой «нет языка без мышления и нет мышления языка» (и в которой, следовательно, «язык закрепляет и регистрирует успехи <...> мышления»), и идеалистическую теорию, которая возмущается либо отождествлением языка и мышления, либо полным разрывом между ними. Галкина-Федорук ссылается на Ленина, для которого ощущение и мышление суть различные ступени одного и того же процесса познания. Галкина-Федорук утверждает, что «первоначальное», или «первобытное» предложение представляло собой простое наименование (вещи или процесса), а также что имел место постепенный переход от простого восприятия к логической форме мышления. Эта логическая форма мышления, по Галкиной-Федорук, является непременно двусоставной: в предложении не только присутствует материально выражаемый субъект, но обязательно «объект» суждения: то, о чем судят. По Галкиной-Федорук, даже «первобытные» предложения на заре человечества должны были быть двусоставными, но объект суждения мог не иметь словесного выражения и оставаться подразумеваемым ситуацией общения. Отсюда примитивные предложения, имеющие форму простого наименования: «река». Когда объект суждения получает словесное выражение, мы можем говорить о формально-логическом субъекте. Е. Галкина-Федорук утверждает, что «материалистический» взгляд на лингвистику предполагает, что язык совершенствуется в процессе эволюции (в телеологической перспективе). По ее словам, тот факт, что западной лингвистикой не удалось установить природу безличных предложений и время их возникновения (до или после личных предложений) объясняется материалистическими основаниями западной лингвистики¹².

Кажется, что существует принципиальная разница между представлением о безличных конструкциях как фактах примитивного логического мышления, признаках отсутствия знания (такова позиция также Н. Лосского или Н. Марра¹³) и как фактах прогресса, критического типа мышления, эксплицитно признаваемого незнания (позиция Ф. Миклошича или А. Потемни¹⁴). Тем не менее в обоих случаях разрабатывается одна и та же проблематика: философия исторического гегельянском духе, телеология, в которой мышление обладает историей — историей своего совершенствования, определяемой историей

¹² Там же. С. 54.

¹³ См.: Лосский Н. О. Логика. Т. 1. Петроград, 1922; Марр Н. Я. Безличные, статочные, существительные и вспомогательные глаголы. *Verba impersonalia, substantiva und auxiliaria* // Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 2. М.; Л., С. 300—320.

¹⁴ См.: Miklošič F. *Subjektlose Sätze*. Wien, 1883; Потемня А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Харьков, 1899.

ческим развитием общественных формаций. Это совершенствование мышления может, в зависимости от политической обстановки, рассматриваться как прерывное («стадиальная» эволюция по Н. Марру) или непрерывное («постепенное накопление новых форм» по И. Сталину), но одно можно сказать наверняка: язык, будучи отражением мышления, также не может не совершенствоваться. Эта позиция, провозглашая себя «материалистической», прежде всего отказывается, как видно, от несубстанциалистского понимания материальности языка (понятие значимости у Соссюра), от собственного измерения языка. Но есть и более серьезные последствия такого подхода: всецело отрицая существование бессубъектных (а не только бесподлежащих) конструкций, утверждая необходимость двусоставности «суждения», этот тип рассуждений, восходящий к платоновскому «Софисту», относит к области онтологии, бытия, а следовательно, к области неоспариваемого, бесконфликтного и саморазумеющегося то, что вполне может быть не более чем объектом дискурса: тем, что уже было сказано прежде или в другом месте в рамках определенного дискурса (ср. М. Пешё, Л. Альтюссер или Ж. Лакан: «всегда говорится <или “оно говорит...”> в другом месте и раньше»: «ça parle toujours ailleurs et avant»). Заявленный «материализм» оборачивается здесь субстанциональным реализмом. Такую цену пришлось заплатить советско-марксистской лингвистике за эту одержимость идеей завершенности, которая препятствовала как любой возможности анализа дискурса, так и всякому размышлению об идеологии (в значении ложного сознания) в языке.

Тем не менее дискуссия о безличных конструкциях в славянских языках, имевшая место в Польше и СССР, обнаруживает еще более увлекательную тематику: речь идет об отношениях между марксизмом и позитивизмом. На протяжении почти всего периода существования Советского Союза в общественных науках в целом и в языкознании в частности слово «позитивизм» употреблялось в чрезвычайно уничижительном смысле. То же самое видно и у Р. Якобсона на протяжении всей его долгой карьеры¹⁵. Основные упреки в

¹⁵ Ср. одно из многочисленных подобных замечаний Якобсона: «Русскую культурную среду, по всей вероятности, можно определить как враждебную позитивизму; достаточно напомнить, что в эпоху своего расцвета позитивизм достиг в России весьма скромных высот, в то время как противостоящие позитивизму научные направления принесли блестящие плоды именно в области русской философии (Данилевский, Достоевский, Федоров, Леонтьев, Соловьев). Противостояние позитивизму одинаково характерно для всех без изъятия течений научной мысли в России: от Достоевского до русского марксизма. Русскому духовному воззрению свойственно преобладание вопроса “для чего” над “почему”». Якобсон Р. О. О современных перспективах русской славистики // Роман Якобсон. Тексты. Исследования, Документы. М., 1999. С. 24.

адрес позитивизма были двух видов: во-первых, это агностицизм, состоящий в «отказ<e> от познания сущности явлений¹⁶; во-вторых, это атомизм и фактография, «сведение научного (теоретического) познания к простому описанию или регистрации фактов»¹⁷.

Мне кажется, что здесь обнаруживается удивительное недоразумение. Позитивизм, обсуждаемый советскими философами или лингвистами в 1930—1950-е гг. (под названием «буржуазной науки») или Якобсоном (под названием «западной науки») более похож на сциентизм конца XIX в., нежели на основополагающие тезисы сочинений Огюста Конта. Действительно, в них можно найти скорее полную противоположность тому, что легло в основу обвинений в адрес позитивизма в СССР в межвоенный период. Так, не довольствуясь простым сбором отдельных фактов, Конт в своем учении настаивает на необходимости гипотез, связующих между собой наблюдаемые факты. В примечании к «Sommaire appréciation de l'ensemble du passé moderne» (1820) Конт определяет позитивную науку следующим образом: «Хотя верно, что наука становится позитивной только благодаря тому, что она основывается исключительно на наблюдаемых фактах, точность которых обычно признается, неоспоримо (согласно истории человеческого духа во всех позитивных направлениях) также и то, что любая отрасль наших знаний становится наукой только тогда, когда все факты, которые служат ей опорой, были связаны между собой посредством гипотезы»¹⁸.

Однако еще более смущает то, что позитивизм Огюста Конта — это, по существу, эволюционная антропология. «Закон трех стадий» устанавливает обязательную преемственность между тремя состояниями человеческого мышления: сперва теологическое, затем метафизическое, затем положительное. Эта обязательная трехчастная последовательность обнаруживается — в иной терминологии — у Н. Марра: космическая стадия → тотемистическая стадия → технологическая стадия. Соответствие между двумя концепциями наиболее заметно на примере первой стадии. В самом деле, у Конта первое, теологическое состояние определяется тем, что человеческое мышление приписывает первопричину событий сверхъестественным силам: «В теологическом состоянии человеческий ум, направляя свои исследования главным образом на внутреннюю природу вещей, на первые и конечные причины всех поражающих его явлений, стремясь, одним словом, к абсолютному знанию, рас-

¹⁶ См.: *Позитивизм* // Большая советская энциклопедия. М., 1-е изд., Т. 45, 1940.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по: *Kremer-Marietti A. Positivisme* // *Encyclopædia Universalis*. Paris, 1968.

смаатривает явления как продукты прямого и непрерывного воздействия более или менее многочисленных сверхъестественных факторов, произвольное вмешательство которых объясняет все кажущиеся аномалии мира»¹⁹.

Все приведенные выше интерпретации примеров вроде *лодку течением унесло* объясняются в контовском духе тем, что истинной причиной данного действия является неявный, не указанный, безымянный внешний агенс. Считается ли это непрявление агенса *прогрессом* мышления (как признание невозможности определения действительной причины некоего события) или, наоборот, *перезжитком* архаического мышления (как изобретение мифического деятеля), является ли субъект устранным, предполагаемым или вымышленным, принципиальная интерпретативная схема остается той же: безличные конструкции мыслятся в рамках канонической двоичной модели, одним из членов которой обязательно является действующий субъект.

Остается еще выяснить, почему контовский позитивистский субстрат сталкивался с таким сильным и упорным отрицанием в работах советских и восточно-европейских лингвистов XX в. По-видимому, его присутствие было столь очевидным, что заметить его было невозможно...

¹⁹ *Конт О.* Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. Вып. 4. СПб., 1912. С. 41.